

Иван Киреевский. Опал.

Сборник "Молекулярное кафе".

OCR & spellcheck by HarryFan, 27 August 2000

Царь Нурредин шестнадцати лет взошел на престол сирийский. Это было в то время, когда, по свидетельству Ариоста, дух рыцарства подчинил все народы одним законом чести и все племена различных исповеданий соединил в одно поклонение красоте.

Царь Нурредин не без славы носил корону царскую; он окружил ее блеском войны и побед и гром оружия сирийского разнес далеко за пределы отечественные. В битвах и поединках, на пышных турнирах и в одиноких странствиях, среди мусульман и неверных – везде меч Нурредина оставлял глубокие следы его счастья и отважности. Имя его часто повторялось за круглым столом двенадцати храбрых, и многие из знаменитых сподвижников Карла носили на бесстрашной груди своей повесть о подвигах Нуррединовых, начертанную четкими рубцами сквозь их порубленные брони.

Так удачею и мужеством добыл себе сирийский царь и могущество и честь; но оглушенное громом брани сердце его понимало только одну красоту – опасность и знало только одно чувство – жажду славы, неутолимую, беспредельную. Ни звон стаканов, ни песни трубадуров, ни улыбки красавиц не прерывали ни на минуту однообразного хода его мыслей; после битвы готовился он к новой битве; после победы искал он не отдыха, но задумывался о новых победах, замышлял новые труды и завоевания.

Несмотря на то, однако, раз случилось, что Сирия была в мире со всеми соседями, когда Оригелл, царь китайский, представил мечу Нурредина новую работу. Незначительные распри между их подданными дошли случайно до слуха правителей; обида росла взаимностью, и скоро смерть одного из царей стала единственным честным условием мира.

Выступая в поход, Нурредин поклялся головою и честью перед народом и войском: до тех пор не видать стен дамасских, покуда весь Китай не покорится его скипетру и сам Оригелл не отплатит своею головою за обиды, им нанесенные. Никогда еще Нурредин не клялся понапрасну.

Через месяц все области китайские, одна за другою, поклонились мечу Нурредина. Побежденный Оригелл с остатком избранных войск заперся в своей столице. Началась осада.

Не находя средств к спасению, Оригелл стал просить мира, уступая победителю половину своего царства. Нурредин отвечал, что со врагами не делится, – и осада продолжается.

Войско Оригеллово ежедневно убывает числом и упадает духом; запасы приходят к концу; Нурредин не сдается на самые униженные просьбы.

Уныние овладело царем китайским; всякий день положение Оригелла становится хуже; всякий день Нурредин приобретает новую выгоду. В отчаянье китайский царь предложил Нурредину все свое царство Китайское, все свои владения индийские, все права, все титулы, с тем только, чтобы ему позволено было вывезти свои сокровища, своих жен, детей и любимцев. Нурредин оставался неумолимым – и осада продолжается.

Наконец, видя неизбежность своей гибели, Оригелл уступает все, и сокровища, и любимцев, и детей, и жен, и просил только о жизни. Нурредин, припомнив свою клятву, отверг и это предложение.

Осада продолжается ежедневно сильнее, ежедневно неотразимее. Готовый на все, китайский царь решился испытать последнее, отчаянное средство к спасению: чародейство.

В его осажденной столице стоял огромный старинный дворец, который уже более века оставался пустым, потому что некогда в нем совершенно было ужасное злодеяние, столь ужасное, что даже и повесть о нем исчезла из памяти людей; ибо кто знал ее, тот не смел повторить другому, а кто не знал, тот боялся выслушать. Оттого преданье шло только о том, что какое-то злодеяние совершилось и что дворец с тех пор оставался нечистым. Туда пошел Оригелл, утешая себя мыслию, что хуже того, что будет, не будет.

Посреди дворца нашел он площадку; посреди площадки стояла палатка с золотой шишкой; посреди палатки была лестница с живыми перильцами; лестница привела его к подземному ходу; подземный ход вывел его на гладкое поле, окруженное непроходимым лесом; посреди поля стояла хижина; посреди